

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ
председатель Союза писателей России

РОССИЯ И СЛОВО

Диалоги Валерия Ганичева и Николая Дорошенко

I. ПОЛВЕКА СЛУЖЕНИЯ РОДИНЕ

К 50-летию Союза писателей России

Николай Дорошенко: Валерий Николаевич, мы вступили в год 50-летия Союза писателей России. И, конечно же, именно в разговоре с вами, председателем нашего Союза, уместно будет вспомнить некоторые наиболее важные смыслы истории этой выдержавшей немалые испытания на прочность творческой организации. Но начать, видимо, надо с вопроса: что явилось причиной создания писательского Союза в республике, у которой даже своей компартии не было? Нужна была еще одна идеологизированная творческая структура, соответствующая административной карте страны?

Валерий Ганичев: Об идеологической структуре еще скажу, а начну с причины создания нашего Союза, с того, что даже и главному идеологическому ведомству страны не учитывать было уже нельзя.

Итак, только такая беда, как война, могла изменить национальную политику государства, где русские, если перефразировать Ярослава Гашека, долго воспринимались не как народ, а как тайная организация, которая то ли нежелательна, то ли вообще запрещена. Но война способствовала возрождению национального самосознания, да и за многие десятилетия после революции произошла ротация власти, она стала более народной, более национальной. Хотя процессы изменения её природы, как мы можем судить по политическим противостояниям конца 80-х – начала 90-х годов, были не так уж и однозначны.

Тем не менее именно в 1958 году, в январе, стал выходить журнал “Урал”, имевший большое значение для литературы одного из крупнейших регионов нашей страны. В апреле начал выходить даже “Русский журнал” (представить, что он бы стал выходить тремя десятилетиями раньше, просто невозможно!), а также газета “Литература и жизнь”, (которая позже была преобразована в “Литературную Россию”). В сентябре Москва стала местом проведения 4-го Международного съезда славистов.

То есть это было время некоего духовного сосредоточения страны, проявления в её жизни более или менее внятной русской основы. Что – я это особо подчеркиваю – позволяло повысить статус другим национальным литературам России: и младописьменным, и давно имевшим свои высокие классические образцы, как, например, татарская литература.

Ведь если вспомнить, что русский читатель воспринимал своими национальными писателями Мусу Джалиля и Гамзатова, Шогенцукова и Карима, то можно с уверенностью сделать вывод, что хоть и создавалась литература Рос-

сии на разных языках, но её нравственные идеалы, её душа и сердце были едиными.

Более того, вся вторая половина XX века российской литературы воочию явила нам ту истину, которую теперь уже никто не сможет оспорить: не некие “передовые”, “общемировые” ценности помогают народам по-настоящему сблизиться друг с другом, понимать друг друга, относиться друг к другу с высочайшим уважением и доверием, а ценности свои собственные, веками нажитые. Чем более глубокие национальные корни имел татарин или аварец, башкир или нивх, тем более легко его произведения, переведенные на русский язык, становились органичной частью не только российской, но и русской литературы. Не случайно, например, лучшие переводы с якутского на русский были сделаны Владимиром Солоухиным – одним из самых русских и по языку, и по строю души писателем. Не случайно глубоко национальный якутский писатель Николай Лугинов был с детских лет убежден, что Пушкин – это такой же, как и он сам, якут.

Думаю, новое духовное возрождение нашей многонациональной России начнется именно тогда, когда она вернется в позицию хотя бы далекого 58-го года. Хотя теперь уже ничего не надо начинать с нуля. Организационно-творческие связи между своими национальными литературами Союз писателей России сохранил. К новым экономическим условиям писатели более или менее приспособились. Нужна только мудрая, предельно ответственная политика государства в области литературы. Государство и олигархи должны вкладывать деньги не в, как теперь выражаются, маргинальные и гламурные наросты на нашей великой культуре, а в то, что является частью живой души всех наших народов. Представить, что школьник, читавший “Моабитскую тетрадь” или “Мой Дагестан”, пойдет в скинхеды – очень трудно. Точно так же невозможно представить, что кавказец, имеющий возможность судить о русском народе не по похабщине Владимира Сорокина или Виктора Ерофеева, а по стихам Светланы Сырневой, по прозе Владимира Личутина, отнесется к русскому народу без уважения. Нас осознанно, в первую очередь антикультурной государственной политикой в области культуры, загнали в межнациональные противостояния.

А уж чеченская “горячая точка” поджигалась у нас у всех на виду, всеми нашими телеканалами, нашими федеральными чиновниками, приехавшими в Грозный поддержать сепаратистов и игнорирующими более массовые митинги пророссийски настроенных чеченцев.

К сожалению, очень многое придется теперь восстанавливать. Недавно на Комиссии по культуре в Центральном федеральном округе, которую я возглавляю, представитель Воронежа сказала, что её в буквальном смысле потрясло исполнение русских народных песен, что она словно бы проснулась и сердцем, и душой. А присутствующие на концерте главы чеченских администраций попросили прислать эти хоры к ним в республику, но обязательно в русских национальных костюмах. То есть люди отвыкли воспринимать народную песню как живое искусство, а не как экспонат этнографического музея...

Н. Д.: 1958 год был еще и годом новых публикаций в наиболее массовых изданиях глав из второй книги Михаила Шолохова “Поднятая целина”. И этот литературный шедевр тогда читала вся страна. Точно так же, как теперь часть нашей публики, к сожалению, вдохновляется бандитским и околобандитским “эпосом”, создаваемым коллективными усилиями самых высокооплачиваемых литературных шабашников.

В. Г.: Да, это так. Но Шолохов был не один, духовное пространство России 58-го года формировал он вместе с другими писателями. В том же году вышли “Владимирские проселки” Солоухина, помогшие не только русской, но и другим национальным литературам более уверенно держаться национальных, объединяющих всех нас корней. Тема любви к большой и малой родине после Великой Отечественной войны словно бы обрела второе дыхание. И еще в этом году вышли знаменитая книга В. Луговского “Середина века”, “Лирика” Л. Мартынова, “Избранное” С. Гудзенко, “Ледовая книга” Ю. Смула...

А лишь годом раньше начали выходить журналы “Дон”, “Москва”, прошли декады татарского, кабардино-балкарского, якутского, адыгейского и карачаево-черкесского искусства и литературы в Москве. Вышли повесть С. Антонова “Дело было в Пенькове”, книга “Стихотворения” Н. Заболоцкого, анто-

логии татарской и кабардинской поэзии, книги очерков о дагестанской и удмуртской литературе...

А годом позже начинают публиковаться главы из романа М. Шолохова "Они сражались за родину", заканчивается публикация второй его книги "Поднятая целина". Начинает выходить журнал "Свет над Байкалом", позже переименованный в "Байкал". Выходят роман Ф. Абрамова "Братья и сестры", повесть Ю. Бондарева "Последние залпы", рассказы Ю. Казакова, книги Я. Смелякова "Разговор о главном" и Расула Гамзатова "В горах мое сердце"...

И все это богатство являлось событием для миллионов читателей, все это впитывалось в их души. Сколько бы ни говорили сегодня о тогдашнем тоталитаризме, удушающем все живое, но если весьма сложный и по форме, и по содержанию Мартынов был широкоизвестным, популярным поэтом, если студенты заучивали наизусть Луговского, Заболоцкого и Смелякова, то, значит, доверяли им, были своими мыслями и чувствами им созвучны. И "Владимирские проселки" становились настольной книгой для миллионов не по указанию агитпропа.

Н. Д.: Одним словом, с 7-го по 13 декабря 1958 года в России на свой учредительный съезд собрались писатели, которых знала вся страна, которые были властителями человеческих душ и дум. И книги их переводились на многие зарубежные языки, заставляли весь мир уважать нашу страну...

В. Г.: Да, это был период возрождения нашей отечественной литературы.

И тут я отвечаю на вопрос о Союзе писателей России как еще об одном идеологическом подразделении: ничего удивительного я не вижу в том, что точно так же, как современные политики и уже многие современные деятели культуры говорят о "плане Путина", так и участники первого съезда говорили какие-то слова в поддержку тогдашней "линии партии". Но это были не пустые слова. Страна после войны стремительно поднималась из руин. Писатели не могли не видеть, что лозунги о возрождении страны превращаются в реальные дела.

Н. Д.: Но впереди были не совсем удачные хрущевские эксперименты с сельским хозяйством, его возобновление борьбы с религией.

В. Г.: Но вместе с троцкизмом, реанимированным Хрущевым и затем продолженным отдельными партийными чиновниками и деятелями культуры, вместе с поднявшимися после так называемой "оттепели" антинациональностями, антинародными, антигосударственными и неолиберальными тенденциями набирала силу и наша русская национальная мысль, наша русская национальная литература. Во-первых, выдвинулись писатели фронтового поколения М. Алексеев, Ю. Бондарев, Е. Носов, В. Астафьев... Все увереннее заявляли о себе Ф. Абрамов, В. Солоухин, В. Белов, В. Распутин, появились и Н. Рубцов, и А. Прасолов, и А. Передреев, и Ст. Куняев, а позже и Ю. Кузнецов...

Наша национальная литература в лице самых совестливых, самых высоких и по таланту, и по духовной основе писателей начала по-русски осмыслять и минувшую войну, и текущую жизнь. Она впервые вполне осознанно в лице наших критиков и публицистов М. Лобанова, В. Чалмаева, О. Михайлова, П. Палиевского, А. Ланщикова, В. Кожина, Ю. Селезнева, С. Семанова вступила в противостояние с растлевающим, предательским, больше всего ненавидящим именно Россию либерализмом, с его скрытым "ироническим" радикализмом и внутренним догматизмом.

Н. Д.: Радикализм и догматизм либерализма... Либералы "золотого" русского века возмутились бы таким словосочетанием...

В. Г.: До тех пор, пока не появилась у либерализма радикалистская изнанка, русский век и оставался золотым. А перечитайте статью тогда еще скрытого, а затем и форсированного неолиберала со Старой площади А. Яковлева "Против антиисторизма", вспомните всю ту полемику, которую новые либералы вели с почвенническими и консервативными журналами "Молодая гвардия", "Наш современник", и сразу убедитесь, что никто из них не собирался оставлять в живых не только наше великое русское имя, но даже и память о нем.

Да и "оттепель" была по отношению к кому? К церкви? К крестьянам, у которых, чтобы они не ощущали себя собственниками, вырубались сады, которым был опять, как при военном коммунизме, возвращен продналог?

А разве шоковая терапия Гайдара не напоминает нам по своей бесчеловечности продрозверстку и раскулачивание?

Это нам только кажется, что история страны к концу XX века началась с новой страницы. На самом деле и революция, и перестройка имеют общий исторический контекст, одни и те же мировоззренческие противостояния. С одной стороны, на едином ресурсе – на народной вере в справедливость, в возможность лучшей жизни – революция и перестройка получали широкую поддержку. С другой стороны, единая орда маркитантов присваивала себе их результаты.

К тому же либерализм давно превратился из мировоззрения в фарисейскую религию, очень дикую, разрушительную, лишенную всякого культурного начала, нетерпимую к добру, справедливости, милосердию. Новые либералы скорее позволят вымереть всем коренным народам Европы, но свою контркультуру, отлучающую людей от семейных и просто человеческих ценностей, от мирового и национального культурного наследия, от вековых нравственных традиций, они будут фанатично защищать до последнего.

Н. Д.: Все нынешние опросы общественного мнения показывают, что подавляющее большинство людей не хотят, чтобы им демонстрировали по телевидению порнографию и насилие, чтобы приучали их к эгоизму и жестокости. И, вопреки всему, либералы твердят нам, что именно у скотства самый высокий рейтинг, что телевидение всего лишь потакает вкусам своих зрителей, чтобы заработать на рекламе.

Но вот данные ВЦИОМ за 2005 год: 82%(!) наших граждан мечтают вернуть хотя бы нравственную цензуру на телевидение!

С другой стороны, точно так же либералы твердят об утверждении якобы высшей ценности – о свободе слова. Но в самой либеральной стране, в США, для более жесткого контроля над общественным мнением идет процесс монополизации СМИ. Так, в 1900 году в США было 1737 населенных пунктов, имеющих свои 2226 ежедневных газет. К 1980 году на 8765 населенных пунктов, имеющих печатные издания, стало выходить только 1745 ежедневных газет, а к настоящему времени число их снизилось до полутора тысяч. При этом и у оставшихся газет число владельцев стремительно сокращается. То же самое можно сказать о якобы большом числе американских радио- и телеканалов, а также книжных издательств. Да, число их может и увеличиваться, но число компаний, доминирующих на рынке и при этом контролирующих радио, ТВ, кинопроизводство, книгоиздание, выпуск газет и журналов, неуклонно сокращается (по известным мне данным, от 50 в 1984 году до 10 к 1996 году). А это значит, что о широкой свободе слова уже говорить не приходится. Контроль над формированием культурного и информационного пространства начинает осуществлять более чем узкий круг людей, способных удушить любого конкурента.

Так что появись теперь хоть новый Диккенс, хоть новый Достоевский – если будет писать он не по заказу или хотя бы не по вкусу медиамагнатов, то о нем никто и знать не будет!

Может быть, культура и литература, создаваемые живыми человеческими душами, а не в производственных медийных лабораториях, уже никогда не возродятся? Может быть, “цивилизованный мир” уже давно погрузился в эдакий высокотехнологичный мрак тоталитаризма?

В. Г.: Можно сколько угодно заламывать руки по поводу этого мрака. Но в хорошей деревне, даже когда у всех заканчивалась мука и начинался настоящий голод, кто-то продолжал хранить закваску. Чтобы, когда мука вдруг появится, можно было испечь хлеб.

Вот и наши писатели, чего бы это им ни стоило, стремятся сохранить самим Богом, самой великой историей России, а не какими-то политическими и финансовыми узурпаторами данное им представление о том, в чём заключается истинное человеческое достоинство, какой должна быть у России её собственная судьба, какое место и какое историческое предназначение у России должно быть в мире.

Например, Владимиру Путину было достаточно назвать лишь отдельные ключевые понятия из хоть уже и невидимого, как град Китеж, но сохраненного нашей литературой русского мира, – и сразу в какой-то степени приостановилось противостояние между народом и властью, сразу многие люди стали воспринимать Путина как своего национального лидера. При всем том, что заметного повышения жизненного уровня в стране, как и уровня культуры, мы ещё не ощутили.

Если сама власть заговорит с народом на языке его внутреннего духовного строя (или, как теперь говорят, на языке его ментальности), Россия за десятилетие, как после разрухи времен Второй мировой войны, станет опять самой мощной державой.

История Союза писателей России – это история сбережения России.

История нетерпимости к русской и всей многонациональной российской литературе – это история порабощения России.

Все те неисчислимые тома нашей поэзии и прозы, которые за полвека наполнили отечественные библиотеки, это тот неисчерпаемый духовный ресурс, та закваска, полагаясь на которую только и можно говорить о “суверенной демократии”. Да и само понятие “суверенная демократия”, родившееся в президентской администрации, вызвало нескрываемую злобу у наших либералов лишь потому, что народ сразу понял: под ним подразумевается политика, направленная на долгожданное обретение Россией своей национальной независимости.

Н. Д.: Неужели вы все-таки верите, что русская и многонациональная российская литература когда-нибудь будут общероссийской властью востребованы?

В. Г.: Верю я или не верю – не в этом суть. Я просто знаю, что наша национальная литература должна быть. Сталин бы не выиграл войну с Гитлером, если б не вспомнил об уже “сброшенном с корабля современности” Пушкине и обо всей русской классической литературе, обо всей великой русской истории. В 34-м году он развернул нашу культуру от “революционного авангардизма” к национальной традиции, создал вместо РАППовских и прочих гнилушек Союз писателей СССР во главе с величайшим русским и мировым классиком Максимом Горьким. И сразу наша советская литература перестала быть нелепой, вымороченной, местечковой, сразу была она поставлена в один ряд с другими мировыми литературами. В стране началось издание русской классики. Жизнь народа наконец-то вернулась в своё природное, не иссушающее его духовные силы русло. И когда началась война, народу уже было к тому времени возвращено национальное самоуважение, народу было что защищать. Вспомните опубликованные в “Российском писателе” письма, которые писал из окопов Сталинграда тогда еще только будущий народный писатель Михаил Алексеев. В них нет страха за свою жизнь. Но есть чувство гордости за собственную причастность к героической битве со смертным врагом Родины.

Уверен, что и новые Герои России – такие, как Женя Родионов, как Зобов – выросли не на Донцовой, не на “Доме-2”, а на высокой отечественной духовности, на национальной, всегда патриотической литературе.

Да и чиновника, способного мыслить по-государственному, способного не относиться к своему креслу только как месту кормления, имеющего какие-то представления о чести и совести, той контркультурной средой, которая сегодня формируется нашим телевидением (а у нас вроде бы и государственные есть телеканалы) и писателями, финансируемыми Букерами и чубайсовской “Большой книгой”, не воспитаешь.

Н. Д.: В отрывном календаре за этот год среди родившихся 17 января я не нашел имени русского основоположника науки об аэродинамике Жуковского, но мафиози Аль Капоне не забыт...

В. Г.: Вот именно! Но у нашего государства теперь уже нет альтернативы. Или оно в своей культурной политике повернется к народу, или за счет России будут решать проблемы своего выживания другие народы и государства. Нет альтернативы и у наших писателей, хранителей духовной и нравственной энергии своего народа. Из национальных писателей мы можем превратиться только в обслугу, в лакеев, в Смердяковых, оправдывающих свое ничтожество лишь презрением к своей родной стране.

Н. Д.: Как говорил покойный советский философ Михаил Лифшиц, гитлеровский фашизм не так уж и страшен, поскольку он груб и прямолинеен, сразу вызывает чувство протеста. А вот фашизм либеральный вкрадчив, так что и не сразу начинаешь понимать, что он тебя уже пожирает. Сейчас самая дорогостоящая недвижимость в старой Европе скупается нашими олигархами-либералами, а все настоящие писатели у нас, как и пенсионеры, в том числе и те, которые создавали нефте- и газодобывающую индустрию, живут в нищете.

В. Г.: Да, это так. Но наш Союз писателей России – это не профессиональная корпорация, которая всего лишь борется за свои экономические, социальные и прочие права (хотя наша бедность не только нас угнетает, это еще и позор для страны).

В первую очередь, мы, конечно, ощущаем себя живую частью народа, мы выполняем ту духовную работу, которую за нас никто не выполнит. Ценою больших жертв мы её выполняем. А если представить, что наши писатели начнут относиться к своему призванию лишь как к способу добывания себе хлеба, то это будут уже другие писатели. Но и России тогда уже не будет. . .

Дело тут даже не в той или иной социальной схеме развития. Можно как угодно относиться к эпохе всемогущего флорентийского олигарха Медичи. Но даже и олигарх, если он является частью своего народа, предпочтет иметь дело с лучшим национальным художником Микеланджело, а не с каким-нибудь примитивным дельцом. Вот и настоящие писатели в России будут оставаться нищими до тех пор, пока не появится у нас национально ориентированная власть и не “новая русская”, а просто русская финансовая элита.

Да ведь не только национальные писатели поставлены в зависимость от такой ситуации, а и вся наша народная интеллигенция.

Так, при Гайдаре все библиотекари в нашей русской глубинке сидели годами без зарплаты, но работу свою на уличную торговлю сигаретами или водкой не меняли. Спросишь у них: “А на что же вы надеетесь?”, а они отвечают: “Мы из библиотеки уйдем, её тут же с удовольствием закроют, все книги выбросят. А помещения отдадут в аренду”. И ведь закрывались у нас библиотеки! И драгоценные книги выбрасывались на свалку. Потом, если менялась городская или районная администрация, на последние гроши строилась новая библиотека. Помню, как в Чернском районе Тульской области библиотекарь плакала, когда мы привезли на местную станцию Скуратово собранные писателями книги: “Спасибо! Наши-то книжные фонды в 1995 году были выброшены на помойку!”

А ведь библиотеки во многих наших городах собирались веками!

Вот такой героизм, такое высочайшее чувство долга демонстрировали и до сих пор демонстрируют наши учителя, участковые врачи, ученые, вузовская профессура... Таких людей в России – большинство! Они начинают всё глубже понимать друг друга.

Недавно был в ЦДЛ юбилейный вечер такого же народного интеллигента – поэта Станислава Куняева. Зал был битком набит, люди стояли несколько часов подряд в проходах между рядами. Да и подписка у возглавляемого Куняевым журнала “Наш современник” сегодня самая высокая среди литературных изданий. То, что называют духовно-нравственной самоидентификацией народа, вступает в свою новую фазу. Никакие ЦРУшные фонды, ни один Сорос уже не смогут остановить этот процесс.

Н. Д.: И все равно, для большинства людей с высшим образованием, особенно в глубинке, подписка даже на один журнал – это уже непозволительная роскошь. И книгу купить в магазине за двести или триста рублей теперь уже далеко не каждый может. Получается, что у нашей литературы сегодня нет такого, как Армия и Флот у Александра III, надежного союзника...

В. Г.: У каждого непродажного, честного, сохраняющего свое человеческое достоинство гражданина России союзниками сегодня являются только его национальная культура и его вера в Бога. И в этом вся, скажем так, сермяжная правда.

Напомню: как и нашему Союзу писателей России, весьма непросто было сохранять в 90-е годы свою патриотическую позицию Верховному муфтию мусульман России Талгату Таджуддину. Не буду называть одну из столиц наших мусульманских республик, куда его на главный мусульманский праздник просто не пустила милиция. Пусть останется все это в прошлом уже навсегда. Но окормление мусульман зарубежными ваххабитами, очень уж в ту пору привечаемыми нашими властями, как мы помним, кончилось кровопролитной чеченской войной, взрывами домов в Москве и многих других российских городах.

Совсем не просто было и Русской Православной Церкви, когда вся Россия после долгих лет атеизма была, при попустительстве её чиновников, усыпана язвами всякого рода сект, в том числе и тоталитарных, когда откровенная бесовщина пропагандировалась всеми нашими телеканалами.

Но мы всегда оставались вместе с нашей Церковью. Появилось у нас и общее поприще – Всемирный Русский Народный Собор, главой которого является Патриарх Московский и всея Руси Алексий II...

Н. Д.: Напомню читателям, что наш Союз писателей является соучредителем Всемирного Русского Народного Собора, а вы избраны заместителем его главы...

В. Г.: Думаю, что всеми не утратившими христианской морали, не утратившими остатки своей древней культуры людьми в Западной Европе выступление нашего патриарха в Страсбурге явилось лучом надежды. И если даже в лучшие для Европы годы Россия Достоевского и Толстого могла оказывать на Европу значительное культурное влияние, то сегодня, когда “закат Европы” (я имею в виду Европу духовную) уже почти состоялся, когда культура Европы уже вполне наглядно превращается в руину, Россия могла бы не выглядеть столь жалкой, как, например, в той выставке современного “русского соц-арта”, которую наша Третьяковка недавно отправила в Париж.

Ведь не только мы, русские, ощущаем эту пропасть. Английский писатель Фредерик Форсайт тоже отмечает, что культура, всё, чем был жив человек, сегодня размывается, выкорчевывается.

Н. Д.: Валерий Николаевич, не все сегодня воцерковлены, не все отдают себе отчет и в том, что нравственное развитие человека не может быть революционным, строиться на отрицании традиции и культуры. Кому-то может показаться, что мы с вами просто не вписались в новую жизнь, что это новый, более “передовой” человек стал хозяином и в экономических, и в духовных сферах. Это как Петр I и Софья... Хотя дальнейшие события нашей истории и показали, что более желательны для России были бы Петр и Софья в едином лице...

В. Г.: В природе есть столько углерода, кислорода, водорода и всяких прочих элементов, сколько и нужно для того, чтобы человеческая жизнь не угасла. Вот и культура должна быть пригодной для жизни человека. А мы видим, как народы Европы, погруженные в либеральную культурную среду, вымирают не только духовно, но и физически, как спивается, уходит в наркотики, перестает воспроизводиться наш русский народ.

Были у нас когда-то и голодомор, и войны. Было так, что картофелину делили на троих, сапоги имели на четверых. Но – не вымирали. Потому что традиционная культура формировала устойчивый, способный к выживанию культурный тип человека.

И пока мы будем надеяться только на нефтяную или газовую трубу, или на нацпроекты, не затрагивающие главного – качества нашей духовной жизни, – Россия не будет иметь будущего.

Русский человек всегда был силен и крепок своими высокими нравственными идеалами. Вот эти народные идеалы и надо возрождать, оберегать, возвышать...

Н. Д.: Я приведу встретившиеся мне в интернете слова одного из создателей современной контркультуры, известного шоумена Геннадия Бачинского, сказанные им, видимо, в минуту прозрения. Он повторяет вашу мысль, только с позиций собственного опыта. Это очень страшное признание:

“Будучи в достаточно стесненной финансовой ситуации (я остался должен после кризиса 1998 года), я пытался заработать деньги, в том числе самым прибыльным способом – выступлениями на концертах. И там я стал сталкиваться с плодами своего труда в радиэфире, а именно с публикой, которая меня слушает. И вдруг увидел, что попал в какую-то страшную атмосферу. И вот – чем дальше, тем больше после концертных выступлений мне было просто физически плохо. Но я все равно говорил себе: ладно, это моя работа. И так продолжал зарабатывать, зарабатывать и зарабатывать, пока душа моя уже не взмолилась: что происходит-то? Ты уже совсем делаешь богопротивные вещи!.. И настолько мне опротивело мое концертное амплуа, что я стал просить Бога о том, чтобы Он дал мне другую работу. Чтоб я зарабатывал деньги, не делая столь низкие вещи. Я всегда тешил себя надеждой, что, играя на грани добра и зла, все-таки служу добру. Хотя в какие-то моменты озаряла простая мысль, что здесь добром уже не пахнет. Но эта иллюзия продолжала мною владеть. В итоге я хожу в храм, но... по какому-то малодушию своему не могу отказаться от всех тех заработков, которые получаю в шоу-бизнесе... Вот моя проблема. Моя работа – это большой мой внутренний

кризис, мне действительно бывает плохо от того, что я делаю. И я на исповеди об этом говорю, но, к сожалению, повторяю снова и снова” (<http://www.foma.ru/blogs/ershova/158/>).

Недавно он погиб в автокатастрофе. А тысячи или миллионы его поклонников – это уже люди, приобщенные к злу, их уже трудно представить отцами и матерями, просто нормальными товарищами, гражданами... “*Мне действительно бывает плохо от того, что я делаю*”, – признается тот, кто профессионально формировал их душу. А каково этим, по технологиям нового мирового порядка созданным, душам? И, что существенно, только разрушительная работа теперь приносит ту огромную прибыль, от которой не может отказаться даже человек, ощущающий, что работа его преступна. И, наоборот, тот, кто трудится во спасение человека, во спасение своего народа, всегда будет ощущать себя “в достаточно стесненной финансовой ситуации”...

В. Г.: Наступит в истории миг, когда не только единицы, а и весь мир содрогнется от результатов сокрушительных последних лет XX века – точно так же, как и от страшных картин Второй мировой войны.

Н. Д.: Спасибо за беседу. Полагаю, что юбилей Союза писателей России дает нам повод в этом году её продолжить.

II. О РОССИИ И РУССКОЙ ДОКТРИНЕ

Николай Дорошенко: Валерий Николаевич, мы хотели с вами во второй беседе поговорить о России в том многообразии, которое находило свое отражение и в деятельности Союза писателей России.

Валерий Ганичев: Конечно, это, может быть, самый главный вопрос для нас. Хочется, готовясь к юбилею Гоголя, который мы должны отметить всенародно, как и подобает для одного из творцов великого русского языка, повторить сегодня его слова: “Поблагодарите Бога прежде всего за то, что Вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и всё, что ни есть в России. К этой любви нас ведёт теперь сам Бог... А не полюбивши Россию, не полюбить вам и своих братьев, не возгоревшись любовью к Богу, не спастись и вам” (Гоголь Н. “Нужно любить Россию”. Из письма к графу А. П. Толстому, 1844 г.).

По завету нашего великого писателя, мерилom наших политических и других литературных дел должна стать именно эта любовь к России. Возлюбить Россию есть наша наипервейшая задача. И воспеть словом, возлюбить её в наших детях, в её языке и культуре, в её народе и народной жизни. Мы ищем идеи, критерии, меру жизни, а мера должна быть одна – всё, что хорошо для России и её народов, объединённых опять же Россией, то и должно являться для нас самым важным.

И тогда пафос и высота задач будут высокими, и тогда нам безразлично шельмование и навешивание ярлыков – мы не должны отступать от этой меры. И важно не опуститься до ответов на твяканье мосек, не дать себя запутать и заговорить, замылить ничтожными проблемками, но вступать в серьёзные дискуссии, обсуждения, соборные осмысления текущей жизни.

Н. Д.: Перед Всемирным Русским Народным Собором (ВРНС) в журнале “The times” и в “Газете” напечатана статья неких Колесникова и Барабанова “Галеры раба Путина и раба Димитрия”, которые в ужасе писали, что на “одном ВРНС” собирается впервые выступить В. Путин и хочет солидаризироваться с церковью, с её “автаркией”. Особенно авторов потрясает желание церкви не потакать “правам человека”, если они ведут к греховности. Авторы заламывали руки в связи с тем, что XII ВРНС будет проходить в Кремлёвском дворце и посвящён он молодёжи. А как же: хануку там проводить можно, а русский Собор, значит, нельзя. И вот эти авторы особенно возмущены, что открытие Собора поручено “знаковой фигуре русского национализма” (в другом месте – “патриарху русского национализма”) Валерию Ганичеву. Именно он, пишут они, бывший заместитель главного редактора махрового охранительного журнала “Молодая гвардия”, а затем директор одноимённого изда-

тельства, главный редактор “Комсомолки”, яркий представитель линии “русопятах”: “Нашего современника”, “Роман-газеты”, “Москвы” – будет открывать Собор, давать слово Президенту, Патриарху. Авторы в панике: ведь они считают, что ваша линия “русской партии”, имевшей покровителей в ЦК, комсомоле, армии, одержавшей победу в 1970 году над “Новым миром”, а потом проигравшей своему заклятому врагу, “архитектору перестройки” Александру Яковлеву, снова восторжествует. “Эта старая идеология”, по мнению испуганных авторов, востребована и одобрена на высоком уровне, на что, “надо сказать, никто не решался даже в брежневское время”.

Как вы думаете, Валерий Николаевич, с чем связана эта атака? Чего здесь больше: злословия, страха, бессилия, враждебности, паники? Почему они предрекают господство в будущем “государственного клерикализма”? И как вы оцениваете этот выпад против вас? С другой стороны, если рассудить, это высокая оценка вашего служения России, своего рода награда от оппонентов (или, вернее, от врагов).

В. Г.: Да, в рядах либералов-псевдодемократов в последнее время – после тщеславного их торжества – наступают и приступы паники. После громких похорон Советского Союза и коммунистической партии, после разгрома советской экономики и культуры им хочется заодно справить и тризну по России. Но историческая традиция нашего народа не позволила им насладиться победой. Народ вызвал глубинные самозащитные силы: веру великих предков, чувство державности, национальное самосознание. Он стал защищать свои национальные ценности, Россия начинает подниматься. Ещё в начале 90-х годов Татьяна Петрова пела в колокольно-тревожной песне “Православные”: “Ну-ка, матушка, встань с колен!”, обращаясь к России, а известный сегодня в стране поэт Николай Зиновьев в своих пронзительных строчках под аплодисменты, прозвучавшие на XII ВРНС, показал меру нашего отступления:

*Как ликует за граница
И от счастья воет воем,
Что мы встали на колени,
.....
А мы встали на колени
Помолиться перед боем.*

Только отстаивание наших корневых национальных ценностей и глубокая вера должны сопровождать всех, кто свою жизнь посвятил служению России.

Действительно, я старался быть “охранителем”, когда зам. зав. отделом пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлев громил издательство “Молодая гвардия” за “патриархальщину”, обвинял нас (о, ужас!) в “неклассовом подходе к публикации”. Он и его коллеги по агитпропу (будущие либералы) запустили ярлыки: охранители, патриархальщики, русопяты, гужееды. И как они пригодились теперь уже либеральному агитпропу! А охраняли-то мы тогда творчество Николая Рубцова, Василия Фёдорова, Михаила Алексева, Юрия Бондарева, Валентина Распутина, Василия Белова, Виктора Лихоносова, Виктора Астафьева, антологию русской поэзии “О, русская земля”, книгу Нестерова “Связь времён”, которая, может быть, первой в советское время открыто указала на неразрывность прошлого, настоящего и будущего России, и еще – целый цикл исторических биографий (ЖЗЛ): О. Михайлова “Суворов”, С. Семанова “Брусилов”, Ю. Лощица “Дмитрий Донской”, Д. Жукова “Протопоп Аввакум” и “Симеон Полоцкий”, литературно-критические книги П. Палиевского, А. Ланщикова, Ю. Селезнёва, книги о героях Отечественной войны, комсомольцах-первопроходцах и нефтяниках Западной Сибири, БАМа, героях Даманского, космонавтах. Нашими друзьями и авторами были Михаил Шолохов, Юрий Гагарин, Валентина Терешкова, Терентий Мальцев, Артур Чилингаров, Сергей Бондарчук, Георгий Свиридов, маршалы Жуков, Чуйков, Бабаджанян, Баграмян, герои рейхстага Егоров и Кантария, Анатолий Карпов и Юрий Никулин. Слава тебе, Боже, что такие великие люди были нашими друзьями, а мы были их “охранителями”. Мы выпускали их книги, беседовали с ними. Но всегда, как и теперь, была стая погромщиков, ненавистников России, выдающих себя то за сторонников классового подхода, то за рыцарей демократии, то за истинных ленинцев, то за утвердителей нового толерантного поведения (не предполагая такого для себя), то за борцов с клерикализмом. И каждый

раз под этими лозунгами они соединяют свои силы, весь свой немалый капитал, подкупают и покупают средства массовой информации и нанимают писателей, журналистов, псевдоучёных, чтобы затуманивать истину, затушёвывать историю, исказить действительность, а то и просто – клеветать, лгать, унижать русский народ.

Не знаю авторов этой статьи, возможно, они люди русские, но почему же у них вызывает ярость русская церковь, Православие? Они обвиняют РПЦ в “автаркии”, в попытке узурпации общественного сознания, во внедрении клерикализма во все поры жизни, но хотят сами узурпировать право на владение умами и душами.

Известно высказывание Ф. Достоевского: “Русский человек – это православный человек”. А Николай Васильевич Гоголь говорил, что ни одно начинание в России не утвердится, если не будет поддержано Русской Православной Церковью.

Ну что же, для таких изданий и авторов Достоевский и Гоголь не авторитеты. Для нас же они величайшие гении, и мы следуем их заветам. Да и столп американизма З. Бжезинский со товарищи считает Православие главным препятствием для американской экспансии, для американского господства над всем миром.

Если же говорить о фактических ошибках в упомянутой статье, то их немало. Достаточно назвать две. Так, они со страхом запугивают мифической так называемой “русской партией”, которая якобы имела покровителей в ЦК КПСС и т. д. Я уже говорил и писал, что никакой, к сожалению, “русской партии” до перестройки в Советском Союзе не было. А вот тех, кто считал главной опасностью “русское направление”, было в верхах немало. И это привело к краху Советского Союза. Достаточно вспомнить три записки шефа КГБ и будущего генсека ЦК КПСС Ю. Андропова, где он главной для государства опасностью считал не прозападное диссидентство, а русское национальное самосознание (“русский национализм”).

В итоге не без помощи диссидентов, которых заботливо выращивали, слегка наказывали, а потом высылали за границу, Советский Союз был разрушен. При поддержке Андропова был возведён в ранг генсека “лучший немец” Михаил Горбачёв. Нынешние демолибералы тоже главной опасностью считают русский патриотизм (национализм). Каких только ярлыков на него снова ни навешивают, каких только кампаний по борьбе с “русским фашизмом”, “шовинизмом” и т. д. ни развязывают, как только ни запугивают наше общество и власть, придумывая страшилки о кровожадных русофилах, русопятах, националистах, причём делают это скорее даже для западного обывателя, ведь это им обеспечивает западные гранты и высокооплачиваемые переводы.

Вторая брехня – то, что я открывал Собор впервые. Все 12 соборов бюро ВРНС поручало открывать мне, в том числе и VII Собор, на котором был президент страны В. В. Путин и приветствия которого звучали на Соборах с тех пор, когда он стал президентом.

Русская же “партия”, несомненно, существует, но не в виде структуры, а в виде высокой духовной сосредоточенности наших соотечественников. Несколько лет назад издательство “Русский мир” выпустило документальную книгу “Александр Сергеевич Пушкин” под редакцией Филина, где представлено его творчество, его мировоззрение, его поступки как великое явление **русского духа**, как своего рода величайшая русская тайна. Эта книга и о будущем, и **“о русскости”**. Во вступлении составитель писал, что “в январские дни 1837 года Россия осознала, что ушёл из жизни великий русский поэт, но она должна была осознать, что ушёл из жизни **Глава Русской партии**”. И думаю, что мы, его соотечественники, осознаём, что таким Главой он и остаётся до сих пор.

Безусловно, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Мусоргский, Суриков, Шолохов, Бондарчук, Свиридов, маршал Жуков, Юрий Гагарин – это русская партия, и естественно, что она стоит во главе нашего народа.

Н. Д.: Кто сегодня, на Ваш взгляд, является наиболее ярким выразителем знаний, представлений о русском народе, о России?

В. Г.: Вы знаете, в обществе вновь возникла тяга к познанию России. Философия, история, филология, экономика, геополитика, культурология пытаются дать ответ о предназначении России. Представление о России, ос-

мыслие её рассыпано в различных предметах, направлениях науки, знаниях. У меня дома и на даче не менее 500 книг своеобразной “Россики”. Возьмём те из них, где это знание вспыхивает, где обозначаются очень важные грани России. Например, в замечательных книгах доктора филологических наук, профессора из Санкт-Петербурга Владимира Викторовича Колесова “Философия русского слова” и особенно в последнем его фундаментальном исследовании о русской ментальности в категориях русского языка (“Русская ментальность в языке и тексте”. СПб, 2007).

Подлинным накопителем исторических и философских знаний о России стали сочинения сопредседателя Союза писателей России, доктора исторических наук, профессора С. В. Перевезенцева. Он один из тех, кто, особенно в последних книгах “Тайны русской веры”, “Смысл русской истории” и “Русский выбор, очерки национального самосознания” (Русский мир, 2007), осветил русскую философскую мысль XII–XVIII веков, которую догматическая марксистская мысль или не замечала, или отрицала, ибо она выражалась в религиозных категориях. Он так подытоживает свои размышления: “Сегодня, по большому счёту, русский выбор обозначен: быть или не быть русским”. Наши оппоненты (враги) хотят нас отвратить именно от этого спасительного выбора. Другой историк, член нашего Союза писателей, профессор Александр Вдовин тоже посвятил свои работы осмыслению пути русского народа. В его книге “Русские в XX веке. Факты, события, люди” делается очень важный вывод: “... осмысление пути русского народа через драматический XX век приводит к убеждению, что коренная причина разрушения Российской империи в 1917 году и Советского Союза в 1991 году заключается в отчуждении между государством и русским народом, в равнодушии наиболее многочисленного народа к судьбе “империи”, утрачивающей способность к выражению и защите его национальных интересов и ценностей”. Когда же власть в нашем государстве прислушается к этому?

Он же осаживает некоторых наших ретивых патриотов, которые чуть ли не требуют запретить слово “российский”, и пишет, что ещё в “Лексиконе трехязычном” в 1704 году писалось “русский” – зри “российский”. Да и современные словари русского языка гласят: “Россиянин – то же, что русский”. И поэтому, считает автор, наименование Российская Федерация равнозначно понятию Россия, Великая Русь, Русское государство. Но это бы и следовало отразить в государственных актах. Вспоминаю тут постоянные выступления нашей пламенной поэтессы из Коми Надежды Мирошниченко, которая требует, чтобы в Конституции РФ было записано: “Россия (Российская Федерация)”.

А Вдовин считает, что “русская идея” может и должна стать интернациональной для всех народов России или, как он пишет, “российских народов”. Хотя один мордовский писатель мне убеждённо сказал: “Валерий Николаевич, Россия состоит из народов русских. Вот мордва, во всяком случае, народ русский”.

Другой пласт “русскости” – её народная культура. Известный писатель Анатолий Рогов представил её смысл и значение в народной культуре (“Мир русской души, или история русской народной культуры”. М., Книжный клуб). Анатолий Петрович резко говорит: “Не знает большинство нынешних россиян свой народ, постыдно, позорно не знает”. И он заканчивает книгу ответственным, по существу неопровержимым выводом: “Тем же, кто сейчас властвует в России и любит твердить о её величии, надо понять, что великих государств не бывает без великих идей и великой культуры”.

А вот ещё две книги писателей, публицистов, учёных. Один из них, политолог, экономист, профессор Михаил Иванович Кодин в книге “Россия в сумерках трансформации” довольно жёстко говорит о новых российских реалиях, размышляет о политических, идейно-нравственных переменах в российском обществе, о поисках новой национальной идеи (духовность, народо-властие, державность). С болью об отечестве пишет Александр Казинцев в книгах “Россия над бездной” и “В поисках России”. Он опирается на широкий диапазон сравнений, на опыт многих стран, где побывал (Палестина, Ирак, Китай, славянские страны, Англия). Казинцев никогда не теряет исторического оптимизма, даже тогда, когда Россия и терпит поражения. Он пишет: “Сейчас среди патриотов распространилось странное воззрение: мы такие, какие есть, можно даже презирать нас за это, но переделать русского

человека невозможно... разумеется, по чужим чертежам и меркам (как того желали демократы-западники). Но возродить русскую предприимчивость, русскую силу, любовь к родине возможно и необходимо, иначе нас будут презирать и вытирать ноги о Россию”.

Очень важную просветительскую миссию осуществил ещё один доктор исторических наук, сопредседатель Союза писателей России Игорь Янин, который составил книгу “Из русской мысли о России”. Это подлинное звёздное небо светящихся размышлений, пророчеств, мерцающих откровений. Тут Аксаков и Гоголь, Пушкин и Данилевский, Достоевский и Ильин, Толстой и Хомяков, Флоренский и Победоносцев.

Действительно, общество мало знает о России: об этом говорил ещё А. Пушкин (“Мы ленивы и нелюбопытны”), вторил ему Хомяков (“Мы Россию не знаем”), об этом сокрушался Гоголь (“Велико незнание России посреди России”). Янин собирает кристаллы такого знания, и недаром Валентин Распутин в своём расширенном эпиграфе написал: “Кажется, книги, подобной этой, где был бы представлен свод рассуждений русских о России, у нас ещё не было. Свод, конечно, регламентированный, чтобы вместить главное из главного и не растечься мыслию по древу. Но древо, взращённое русской мыслью, получилось живым и могучим. Под ним, широко раскинувшем крону, так полезно будет подумать о себе, о том, кто мы были спервоначалу и кто мы по сегодня и что может ждать нас впереди”.

Смотрю на полки своей “Россики” и вижу: сколь многовекторны и разнообразны подходы к России, её прошлому и будущему. Вот авторы В. Медведев, В. Хомяков и В. Белокур выпустили ряд остро публицистических книг о России. Одна из них “Национальная идея, или Чего ожидает Бог от России” (изд-во “Единство нации”, 2008) резко ставит вопрос о национальной идее и предназначении России в разделах извечных для России вопросов: что происходит? кто виноват? что делать? как делать? В книге “Жизненные силы русской культуры: пути возрождения России в начале XXI века” (Магистр-пресс, 2003), авторы делают довольно уничтожающий вывод о том, чему поклонялось общество весь век: “Наука к исходу XX века, несмотря на важные достижения, оказалась неспособной к решению стратегических задач развития общества и человека, эволюции их жизненных сил. И не потому, что ей не хватает аргументов, способности решать актуальные проблемы. Наука настолько хорошо приспособилась к сложившемуся порядку жизни, типу господствующей социальной культуры, уравнивая истину с получением пользы, что вывести из этого состояния можно, лишь разрушив классический характер общественного развития, классическую социологию, традиционно сложившийся социальный интеллект”.

Авторы прослеживают в России всплеск духовно-культурных синтетических исканий и утверждают, что русская культура является одним из принципов жизнестойкости русского и других народов России.

Книги и авторы все разные – и все они призывают к полемике. Вот бывший диссидент М. Назаров – “Тайна России”, рядом доктор наук В. Большаков – “По закону исторического возмездия”, известный генерал Н. Леонов – “Крестный путь России”, Б. Балуев “Споры о судьбах России” и т. д. О каждой из них можно помногу рассуждать, полемизировать. Важно, что они есть, – значит, работает общественная мысль России!

Думаю, что мы ещё поговорим о впечатлениях по поводу сегодняшней литературы, но вот в связи с прямой “русской темой” не могу не сказать о блестящих трудах нашего писателя-мыслителя Бориса Тарасова. Его книги “Паскаль”, “Чаадаев”, “Куда движется история” и другие всегда поражали глубиной мировоззренческого анализа творчества авторов, времени, в котором они жили. Вот одна из последних его книг “Историософия Ф. И. Тютчева в современном контексте” (Наука, 2006). Эта книга о неких, не всегда видимых глубинах русской мысли, о думах поэта, соотнесённых с размышлениями представителей русской классической литературы и философии, современных мыслителей Запада. В общем, это опять книга о России и путях её развития. Эта книга о пророчествах поэта, о его призывах предостеречь усиление материальных appetитов, эгоистических инстинктов и интеллектуальной немощи. Поэтому он призывал создать “мощное, умное, уверенное в своих силах направление – вот кричащее требование страны и лозунг всего нашего современного положения”. А это и есть та “русская партия”, которой пугают,

дабы позволить антирусской партии проникать во все сферы общества, припугивая власть, а самой в это время становиться фактической властью.

Не могу не вспомнить ещё две знаковые книги последних лет – одну из них, книгу А. Панарина “Искушение глобализмом” (2002 г.), я брал с собой в командировку в Вену, когда в мае 2006 года участвовал в довольно необычной для западного мира научно-богословской конференции с символическим, вызывающим к справедливости названием: “Верните душу Европе!”, на которую собрались учёные, священники, общественные деятели Европы и России. После знаменитого X Всемирного Русского Народного Собора, провозгласившего: “Права человека, которыми пытаются измерить каждое государство, должны учитывать исторические, веровательные, бытовые особенности каждой страны, а главное, не открывать, под видом свободы, дорогу греху”, многие в Европе встрепенулись. Ведь там христианство не только изгоняется из общественной и государственной жизни, но оно всё больше ограничивается в правах, христианские истоки Европы юридически не фиксируются уже почти ни в одном законе, конституциях стран ЕС. X Собор взбудрил христиан Европы, они внимательно слушали на конференции соборян из России. У меня был доклад о том, как классическая русская литература в советское время защищала и утверждала мораль, христианскую нравственность. Это было действительно так, ибо в 30-е годы, вопреки идеологическим догмам 20-х, руководство страны приняло решение издавать миллионными тиражами Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Чехова и других классиков, правда, всячески подчёркивая их антибуржуазную суть (что в немалой степени было верно). Какое счастье, что наш народ, овладевший грамотой в период истинной культурной революции, не получил масскультуру американских комиксов, шлягеров и киллерских триллеров, какие ему навязывают сегодняшние ТВ и СМИ. Это в своём приветствии писателям, пишущим на историческую тему, подчеркнул и Святейший Патриарх, отдавая должное русской классической литературе – литературе, находящейся в нравственных, христианских координатах.

А. Панарин предостерегал, что самое опасное – потерять не территорию (её для русского человека можно будет вернуть в будущем), а потерять свой культурный код, свой культурный слой, свой русский дух, которые под мощным давлением либеральных СМИ могут и не возродиться.

Ну и, конечно, книга Н. Нарочницкой “Россия и русские в мировой истории” (Международные отношения, 2003). В продолжающихся спорах между патриотами и западниками, между почвенниками и либералами, между труженниками и ростовщиками эта книга – умная, смелая, острая – помогает глубже увидеть смысл и цели национального бытия. И главное в этом споре – Дух, ибо “громадная территория, внушительная экономика, военная мощь и даже ядерное оружие, как показало недавнее унижение России, мало стоят сами по себе, ибо материя без духа не способна творить историю”.

И, наконец, ещё одна, я бы сказал, стратегическая книга: “Россия в пространстве и времени”. Её авторы, член-корреспондент РАН Б. Н. Кузык, доктор экономических наук А. И. Агеев, кандидаты технических, военных, экономических наук О. Добротеев, Б. Куроедов, Б. Мясоедов, анализируя нашу историю, рассматривают её как своеобразный музей стратегий с большими запасниками, закрытыми, как правило, для публичного просмотра. Здесь всё проанализировано на сотнях примеров, таблиц, карт, сравнительных характеристик. Я восхищён проделанной работой и думаю, что книга эта не только для Академии Генерального штаба и российской элиты – она для всех лучших, самых высоких, обеспокоенных нашим будущим умов России!

Н. Д.: Валерий Николаевич, в последнее время появилось много обобщающих трудов под видом неких научных исследований. Вот, в частности, огромный интерес вызвала книга “Проект “Россия” (“ОЛМА-пресс”) и особенно “Русская доктрина”, которую обсуждали в различных аудиториях и, в конце концов, приняли на Всемирном Русском Народном Соборе. Что вы скажете об этом документе, труде, программе?

В. Г.: Да, если в 90-е годы XX столетия выходили по-своему пионерские авторские труды о России, русском народе, то в начале XXI века стали появляться обобщённые, стратегические работы. Одну из них – “Россия в пространстве и времени” – я уже назвал. Сочинение же “Русская доктрина” (“Сергианский проект”) молодых учёных Андрея Кобякова, Виталия Аверьянова,

Романа Багдасарова, Александра Рудакова и др. является, по-моему, прорывным произведением. Я впервые принял участие в его обсуждении на Корфу, когда в 2005 году во время Ушаковских чтений её проект был представлен широкой группе социологов, политиков, философов и историков, работающих под покровительством фонда “Русский предприниматель” (президент Олег Костин).

Известно, что есть время разбрасывать камни, и есть время их собирать. И собираются они для того, чтобы строить, созидать новое здание. То же в каком-то смысле происходит и с доктринами.

Наше общество славно потрудились в 80–90-х годах, чтобы разрушить существовавшие доктрины. Сначала разбросали камни марксистской доктрины – вроде бы за непригодностью, воздвигали либеральное доктринерское сооружение, сверкавшее всеми привлекательными красками. Не прошло и 15 лет, как под напором самой жизни оно разрушилось, полетели во все стороны камня либерального высокоумия. Пришло время искать действительно созидательную, объединяющую, вдохновляющую идею, обозначать её контуры и определять вектор всеобщего развития страны.

Русская доктрина выросла не на пустом месте. Я старался внимательно следить за всеми сколько-нибудь содержательными, созидательными мыслительными процессами, направленными на разработку схем, проектов, системной, целостной стратегии бытия новой русской державы.

В начале 90-х годов попытки такого рода предпринимались на Всероссийском конгрессе Аксютчица, Бабурина, Астафьева и Русском Соборе генерала Стерлигова, на собраниях Русских общин Дмитрия Рогозина. Была ещё и “Держава” бывшего вице-президента Руцкого. Всем им было присуще острое ощущение тревоги за судьбу Отечества, желание найти и выразить вдохновляющую национальную идею. К сожалению, дальше попыток, подчас фантастических и умозрительных, дело не пошло.

Последовательную конструктивную работу, нацеленную на создание целостной программы сохранения и развития русского народа в постсоветские годы, ведёт начиная с 1993 года, Всемирный Русский Народный Собор. Провозгласив высокие духовные цели, он на деле стал трибуной и гласом народа. Год за годом умнейшие, самые уважаемые люди России, учёные и политики, священнослужители и воины обсуждают на Соборных встречах коренные вопросы российской жизни. Об этом красноречиво говорит даже простое перечисление тем прошедших Соборов и встреч:

Пути духовного обновления русского народа и его движения к национальному возрождению.

Русские соотечественники за рубежом.

Роль России и русских на пороге XXI века.

Вопросы физического и духовного возрождения нации.

Вера и знание не антагонисты.

Создание русской национальной школы.

Защита русского языка.

Проблемы богатства и бедности.

Вера и труд.

Права человека и неприятие греховности.

С самого начала своей деятельности ВРНС определил в качестве главного, ключевого фактора развития – **духовное возрождение нации**. Доктрина, которую мы продолжаем обсуждать (такое соборное обсуждение прошло несколько раз, в том числе и у нас, в Союзе), и подтверждает, и утверждает этот принцип. Я поддерживаю вывод Доктрины о том, что наступает **новый строй – строй “человекостроения”**. Главное в этом – способность развивать заложенные Богом **огромные возможности** становиться учёными, духовидцами, предпринимателями, управленцами. В общем, **творцами**. И в эту категорию творцов, способных придумывать и **воплощать новое**, я бы включил людей значительно большего количества профессий и направлений деятельности. Та цивилизация, которая разовьёт этот высший, творческий ярус экономики, подчеркнут авторы Доктрины (а я добавляю, и социально-нравственной жизни), будет **доминировать** в мире наступившего XXI века.

Я приветствую и поддерживаю в Русской Доктрине смелое введение категории **русский национальный характер** в число решающих факторов созидания новой России. Предвижу, какой скулёж и злобный вой поднимется

в либеральных СМИ, как только наступит время всестороннего обсуждения нашей Доктрины. Что ж, нам не привыкать!

Кстати, когда Доктрина представлялась впервые, она носила подзаголовок “Сергианский проект”. И в этой её духовной сущности, помимо главной составляющей – Православной Веры, есть ещё одна, соединяющая народ в единое целое – это его **культура**, народная, классическая, державная, возвышающая, объединяющая, включающая культуры малых этносов. И если бы понадобился ещё один подзаголовок, то можно определить Доктрину как **Пушкинский проект**.

Только наша великая культура, а отнюдь не поставки вооружений или нефти и газа, даже не наши социальные образцы – именно она, культура, создала великое поле дружбы, взаимопонимания и даже поклонения в арабском мире, Латинской Америке, Китае, Индии, Африке. Это была наша самая большая инвестиция в создание облика великой России. И когда мы сегодня на Красной площади принимаем заезжих и незаезжих эстрадных рок-гастролёров и не находим средств, чтобы услышать там выдающийся оркестр современности под руководством Владимира Федосеева с исполнением музыки Свиридова, когда тщедушные и кривляющиеся девочки с заёмной и пошлой песенкой занимают места триумфаторов жизни – это показатель невежества и падения. И поэтому, когда в Доктрине авторы вдруг вступают на такую скользкую тропу, это не может не вызывать возражения. “Оседлать рок”, сделать его русским, возможно, и не плохо. Но не дать разгромить русскую песню, русскую мелодию, защитить и развить её – куда более важная задача. В памяти невольно всплывают книги Стругацких. Они показали, как с помощью музыки можно сбить с пути целый народ. На крыльях национальной песни уплыли из страны республики Прибалтики. Когда мы ставили вопрос о Всероссийском празднике русской песни, швыдкие того времени тарактели: мы же многонациональная страна – и русскую песню в очередной раз не пускали к народу, на телевидение. Я думаю, нам нужно всю страсть, которая сосредоточена в Доктрине на использовании рока, направить на создание групп, объединённых центров русской национальной песни, отечественного романса, советской песни, которые на XI ВРНС предложила создать народная певица России Татьяна Петрова.

Вообще, нам надо хорошо подумать о приводных ремнях, рычагах, объединении многообразных патриотических сил для выполнения Доктрины – ведь не ради демонстрации высоких интеллектуальных достоинств мы её принимали, не для любования логикой. В ходе массового обсуждения, а таковое уже развернулось, надо ставить чётко вопрос о её воплощении. Я думаю, чтобы не превратиться в доктринёров (слово-то почти ругательное), надо создать **Движение патриотического русского Дела**.

Н. Д.: ... Движение созидателей, делателей! Совершенно с вами согласен. Наверное, именно это должно стать самым главным в ходе подготовки к празднованию 50-летия нашего Союза.

Позвольте пожелать вам успехов в этой большой, многотрудной работе, столь важной для нашей отечественной культуры.